

БЛАГОДАРЮ

Марат ШАФИЕВ

Что остается от человека, замыкающего на себе бесконечную цепь времен? Могила, информация в Википедии?

Мамедзаде Сиявуш - поэт, прозаик, переводчик. Член Союза писателей с 1964 года. Родился 2 октября 1935 года в городе Баку. Окончил филологический факультет Азербайджанского государственного университета, московский Литинститут (1959 - 1965). Работал в местных газетах, в издательстве Азернешр, референтом в Аппарате Союза писателей, главным редактором Центра художественного перевода. Член редколлегии журнала "Литературный Азербайджан".

Книги: "Небо" (1966), "Тверской бульвар" (1971, повести), "Самоутверждение" (1976), "Одной бессонной ночью" (1976, очерки на азербайджанском языке), "Ночные яблоки" (1979), "Люди-подсолнухи" (1983, стихи на азербайджанском), "Комендантский час" (1994), "Время собирать камни" (2004), "Пыль с цветов бессмертного добра" (2004, переводы), "Вехи века" (2005, избранное), "Лейли и Меджнун" (2005, перевод поэмы Физули).

Как скупо, сухо и скучно. А если чуть распушить, расцветить имеющийся документ?

Отец Имран (из Ардебиля) 30 лет преподавал математику, не знал русского языка и потому не сделал карьеры. Мама из певучей Шуши. Вот как бывает в семье: Сиявуш вступил на лирическую материнскую стезю, а младший брат-технар на отцовскую.

Сиявуш учился в 29-й школе (на пересечении Первомайской и Полухина) (во дворе росли фисташковые деревья). Погружаться в русский мир терпеливо помогала Галина Георгиевна Чернявская (шляпка с вуалью!), говорила: "Возьми мел", - он брал тряпку; "Возьми тряпку" - брал мел. Но начальные классы закончил с похвальной грамотой.

Поэтический почерк ставил Лев Озеров - семинар художественного перевода: "О Сиявуш! Ты мудрым Львом вскормлен, / Так докажи любовь свою на деле!" Из Москвы привез Валентину (заснеженный Тверской бульвар; женское общежитие; склонившаяся с рейсфедером над чертежом девушка, в глазах которой затаилась зелень смоленских лесов). Родители противились, но Сиявуш не поддался - пятая графа уже считалась пережитком прошлого.

*"Не дай мне бог покрыть себя позором
и не ответить недругу отпором;
Не дай мне бог истаять, словно дым,
меж криком и молчаньем золотым.
Но горше бед любых земных - извериться,
не уберечь свою любовь..."*

- Сиявуш явно лукавил, главным в жизни становилась поэзия.

Вот что интересно. Если по бакинскому поэту Портнову можно составить топографию Баку 60 - 70-х, то Сиявуш - бытописатель города; его стихи переполнены голосами и лицами.

Школьные, они же дворовые друзья ("дворовой интернационал") (играли в футбол, казаков-разбойников): Акиф Аббасов, Чингиз, Серебряков, Миша Багдасаров, Володя Сермакашев, Вадим Чиркин, Рауф; классный руковод Елена Петровна Мочалова; собратья по перу: Мансур Векилов (Мансур - сын министра здравоохранения, а в детстве с двумя сестрами укладывались спать под рояль), Фикрет Голжа, Александр Грич, Мамед Орудж; старшие наставники: Мирза Ибрагимов, Плавник, Вячеслав Зайцев, Иван Третьяков.

Владимир Кафаров жил четырьмя этажами выше, много спорил о методике перевода. "Переводчик прозы - ее раб, переводчик поэзии - соавтор... Подстрочник? Переводчик должен чувствовать себя в стихии рабочих языков как рыба в воде. Слышать нюансы.

ТЕБЯ - Я ЖИЛ!

Вот читают Есенина: "Не знаешь ты, что жить на свете стоит" - как утверждение, налегая на "жить". А Есенин ударил на "что" - совсем другой коленикор... Но все эти формальные споры сошлись к выяснению иного: кто из них первый. Какое нам дело до итога, если в творческом соперничестве задавалась высота, ниже которой работать уже стыдно. Кафаров однажды так и уснул на диване Сиявуша, утомленный то ли спиртным, то ли жаркой беседой... Любопытна переписка и их двух стихотворений: Кафаров сравнивает себя с амбалом, ему вторит Сиявуш:

*Перевожу на собственном горбу
чужую боль, и радость, и судьбу.
Перевожу стихи...*

Как и Город, перешагнувший через свои Стены, расширяется и этнонимическая карта Сиявуша: Кара Караев ("И партия вздыбленного мира..."), Фикрет Амиров ("чародей с челом гениальности"), Бюльбюль ("соловиное горло"), Рашид Бейбутов (спевный нектар несет в сиявушском переводе), Мстислав Ростропович (Соната для виолончели и весны), Евгения Левин ("...дзеньку, нанн!/ За эти песенные дни"), "И им бакинский Эдди Рознер - / Ахмедов Тофик колдовал", "И жаркую печаль мугалам/ В неповторимой красоте/ Вылетел бессонными руками/ В аккорды Мустафазе".

Вы не устали, дорогой читатель? Тогда продолжим: "Это памяти музыка, Бэлла Михайловна" (Давидович), "здесь, на бакинском кладбище, / спит Михаил Наумович", Ирина Трофимова - хранительница есенинского очага, Рамазан Халилов - директор Дома-музея Узеира Гаджибекова.

С Мансом Гаджиевым в кабинете газеты "Бакинский рабочий" устраивали посиделки за шахматами (и не только). Этому увлечению Сиявуш не изменял никогда - те же шахматы в редакции журнала. В шахматах очень легко считывается характер. Как и в жизни, Сиявуш в игре был щедр и широк на жесты (любая пирующая компания могла быть увереной, что в итоге по счету заплатит Сиявуш) - жертвовал фигуры направо и налево. В атаке был парадоксален и потому опасен, ферзей он, наверное, пожертвовал больше, чем кудесник комбинаций Галь.

Это окружение Сиявуша - часть того сплава, называющегося "бакинская" нация. Родство не по крови, не вера в Единого, Потустороннего, а вера в самого Человека, Землянина космического масштаба. Лучшие люди этого братства были гуманистами, сочувствующими эпохе Возрождения.

За одним столом (это ведь не главная беда - убогая квартира, где главное богатство - книги) рассуждая:

*от Низами до космонавта,
от луноликой до Луны,*

уточняли ориентиры, заточивали идеи -

*Приобретает тесный стол
почти глобальные размеры.*

Миф в первичном и главном своем смысле - это иносказание о сверхреальности, раскрывающее суть событий, а во втором - недостоверный вымысел. То, что последующим поколениям кажется невозможным, фантастическим, обретает статус мифа, но мифы не возникают на пустом месте. Их первоисточники бьют, если копнуть поглубже, из всех щелей го-

рочей лавой. И если будущему когда-нибудь понадобится этот опыт, то воскреснут и его летописцы-поэты. И обудется тайная надежда Сиявуша? "Я никогда не увижу тридцатого века... А, впрочем, чем черт не шутит!..." И эта "бакинская" нация, как и "одесская", "ташкентская", "алма-атинская", приготавливалась прологом к готовящемуся великому будущему.

А если погрузиться в украинские, болгарские, грузинские и так далее поэздки Сиявуша, то мы можем окончательно потеряться в реестре имен. Чего стоит только одно стихотворение "Ах, Кисв!...":

*Как поживаешь, Юра Сердюк,
Литинститутский верный друг?
В Раду подался Павло Мовчан.
А не махнешь ли в Азербайджан?
Как Осадчук наш, то есть Петро?
Вновь каламбурит так же остро?
Микола Карпенко, жив ли ты, брат?
Все не решаюсь номер набрать...
Спасибо тебе, Микола другой,
Перекладач наш дорогой.
Что Винграновский (пож из Микол),
-Вириш ли, прозу ль положиш на стол?
Ниче не скажеш, Олейник Борис,
Что у поэтов гроши заведись.
Трудно добратся, дозваться, хоть плачь.
Это баллада не новая, Драч!
Будьмо, Шевченко! Ты ведь не зря
В оргкомитете Дней Кобзаря.*

Еще общая страна у грузин и абхазцев: Мушнни, Джума, "стихи, которым войны не нужны", "и ели на проспекте Руставели", и песня о Тбилиси Карло, Нодара, вкус ркацители, "и шапка кахетинская на мне". А в гостинице "Россия" у азербайджанца, армянина, грузина и болгарки "длинлось наше дружное застолье/ В беспечном непоруганном застолье". Помедим и мы на краю бездны вместе с пирующими, не подозревающими, что больше никогда они не будут так счастливы. Как такое могло случиться? Откуда черная сила, опрокинувшая полю миллионов?

Невозможно быть поэтом, заглядываясь на августовский зенитониз, влюбляться, брэнчать на бесполезной лире, зная,

*что стреляют где-то в мире,
где-то умирают, убивают,
а убитых туп же забывают,
и тоску, быть может, запирают,*

когда "беженцы там и здесь", солдаты в бронжилетах у памятника Джаббарлы, и:

*в сердце у нас не мстят,
в сердце у нас - золта.*

*Чтобы человек безвинно убивал,
Стерва убить в нем надо человека,
Страшна слепая ярость автомата,
страшнее - ослепление души.*

*Это невозможно - быть поэтом,
сопрадая самой малой поэмы.*

- дело даже не в опрокинутом Союзе, дело в потерянной молодости:

*Уходит век. Вершит эпоха бег,
И сквозз просветы отягченных век
Является вседневная тишина.*

Есть большая несправедливость, чем несправедливость социальная: "Все очень просто - жизнь и смерти".

"Что может ржавый меч твой, рубан?" И все же пусть без надежды, но кричи "старинный мой товарищ - рубан!" "Мы родились не пить, не ползать":

*И наша яростная польза -
лететь! Хоть на одно крыле!
Летать и пить, и вновь, и снова,
И жар, как чащу, осушить...
Все то, что выразилось словом,
одним коротким словом - жить.*

В былые застойные на съезде писателей в Ереване Сидьва Капунтикан пересказывала статью Эльчина из Литературной газеты: как его в Турции, встретив настороженно (хоть и азербайджанец, по советский), затем восторженно провожала с нарциссами. "И это печатает центральная газета, - возмущалась Капунтикан. - О Турции - члене враждебного НАТО,

И еще плетет поклон Сиявуш разброшанным по миру друзьям: "шолом алей-хем", "здоровенки булы". Поэт не может иначе. Поступить иначе - предать свою молодость, ее идеалы.

Так ли на самом деле? Не приписывай ли я Сиявушу ему несвойственное? Но сам Сиявуш писать мемуары не намерен. Хотя напичкан любовными историями. О Шаляпине, отказывавшемся платить по завышенному счету: "Да ты знаешь, кто я такой? Я - Шаляпин". И духанлик отвечает: "Шаляпа-малина не знаю. Кебаб кушал - плати". О Мир Джафаре Багирове, стучавшем карандашом по голове Али-Байрамлинского секретаря (посмеянного возразить: дескать, найденная в его районе нефть погубит сельское хозяйство): "Даже если обнаружится капля нефти вот в этой голове, мы ее отсюда добудем". О Сулеймане Рустаме, отказавшемся в ЦК подписать бумагу против Муццифа: "Я у него в доме хлеб ел". О Назиме Хикмете, говорившем после лекции в Литинституте сопровождающим студентам-азербайджанцам: "Через триста лет в восточной литературе от меня останется всего одна строчка" и возложившем могучую длань на поникшие плечи Фикрета: "Ничего, брат. На наш век тюрку еще хватит". О Халиле Рзе, даже на море приходившем с пишущей машинкой...

*И мучает меня всечасно совесть:
Когда, когда заснешь ты за повесть,
За реклем о жизни прожитой...
чюбо не прошел ты по земле бесследно*

Сиявуш однажды говорил о разности между стихом и эпосом: разная грузоподъемность. "И бытия жестокость и огромность! / Пожалуй, не для лиры материял". Но ведь вытянул же он непомерную тяжесть средневекового Физули, перевел на русский язык "Леили и Меджнун". Вытянул и собственную поэму о востокводе с мировым именем Мирзе Казем-Беке. Да, интересные пересечения с Пушкинным, Шейх Шамилем, Лобачевским, Толстым, Чернышевским, Некрасовым, да - искреннее раление и привлечение к высшему образованию мусульманской молодежи, но, наверное, и родство душ со "странным сыном Востока", "вык-рестом", принявшем пресвитерианство и жившим на границе двух миров: "Азербайджанскую чинару уча по-русски говорить..."

Да что теперь жалеть! Молча калывшая в небытие жизнь - в этом тоже есть величие! В конце концов литература - это не самовыражение, а высокая ответственность перед каждым словом.

Так что же остается от человека? Кажому - по вере. Получают то, о чем просят. И это справедливо. От кого остается могила, от кого-то строчка в мировой литературе. А от Сиявуша остается одна, ни на что не претендующая благородность:

*Благодарю тебя - я был,
Благодарю тебя - я жил,
Смеялся, плакал и любил,
И время попустил збуил,
Грешил, грехов не ускупил,
Благодарю тебя - я жил,
Мечтала горы своротить (...)*

*За кратковременный успех,
За больно ранящий озерх,
За сказку, лучшую из всех,
За высю гор, за рокот рек,
За сей громокопийный век,
За то, что завался - человек.
Благодарю тебя. Я - жил.*

*И мертвые стучатся в нашу дверь,
Земля как окровавленная плаха.
Что осеу знать Христа или Аллаха?
О чем писать? о чем же петь теперь?
Но через горы и сугробы любви,
В которых сирю корчится страна,
Кричит в душе упрямя страна,
Кричит на все Америки, Европы:
"Гетце гарун!" - да здравствует весна!*